

Старые друзья

Постарел мой давний друг, постарел.
Поседел мой старый друг между дел.
И заходит он ко мне не всегда –
Между делом, так, зайдет иногда.

Окуджаву просит спеть старый друг,
Но дрожанья не унять в пальцах рук.
И подводит, как назло, голова –
Забываются мотив и слова.

Поднимаясь, скажет друг:
«Мне пора.

Далеко идти домой –
три двора».

«Да, не близок и нелёгок твой путь.
Осторожней, не спеши...»
«Как-нибудь».

И шагнет мой старый друг за порог.
Как там завтра будет все,
знает Бог.

«Если что, –
скажу ему, –
позовешь».

«Если, что, –
ответит он, –
сам придешь...»

Алые паруса

Вращаясь, время-колесо
катит тропинкой юбилеев.
Прости меня,
моя Ассоль –
я не тяну уже на Грея.
Давно не пишутся стихи,
давно с друзьями не сидится.
И снова сумерек штрихи,
наводят смутную границу
меж беззаботнейшим вчера
и выставшим,
как дом, сегодня.
И вот кричат уже: пора
спуститься вниз
по пьяным сходням.
Качаясь, путь продолжу свой,
перебирая в пальцах четки.

Уже проблемы с головой,
и вкус не тот у доброй водки.
Других не водится утех,
как горсть землицы бросить сверху –
все чаще я в цепочке тех,
кто занят этою потехой.
Нет, не пишу давно стихов...
Укромно уместившись с края,
клочками алых парусов
латаю прошлое, латаю...

Мелеет Каспий

Давно не жгут под окнами листву,
ругаясь, дворники...

Который год
И чаек не увидеть на плаву,
где на приколе ржавый пароход.

Мелеет море. Хлябь у берегов.
А дальше пленкой тянется мазут.
Я здесь не встречу старых рыбаков,
а новые сюда не забредут.

Гуляя ветер, нудный гилавар,
с пустынь несет нещадный липкий зной.
Вернись назад,
обиженный Хазар,
спасительной прохладною волной!

Утес печальный,
каменный горбыль,
над жижею болотною повис.
Скала морская, осыпаясь в пыль,
вот-вот да рухнет безнадежно вниз.

Песчаный пляж –
пристанище собак,
грызущихся за найденную кость.
Пройду я мимо, прибавляя шаг,
не распаяя их собачью злость.

Приду домой,
и, не стесняясь слез,
корявой строчкой в тишине ночной
я опишу тот умерший утес
над мутною каспийскою волной.

Дом, который построил я

Я строил дом, крепя опоры,
все лишнее убрав.
Вокруг меня рождались споры:
где прав и где неправ.
А я, сжимая крепче зубы
в молчании своем,
порой бывал довольно грубым,
но это был –

Мой Дом!..

Я строил так, как мне хотелось,
законам вопреки.
Глупцом прозвав меня за смелость,
смеялись старики.
Но поднимал уже я стены –
в два ряда кирпичом.
Вздувались на запястьях вены,
все было нипочем!

...Когда же дом укрыл я крышей,
от ветра и невзгод,
шепнул на ухо кто-то свыше:
«Не зря ты прожил год!..»

Хандра

Перебором дней моих
реже струны я тревожу.
Поостыл да поутих –
я не тот, что был моложе.

Отгорел костер, золой
по ночам меня не грея.
Неужели все прошло?..
Неужели я старею?..

Март мяуканьем котов,
весть весеннюю разносит.
Только я листвой стихов,
воспеваю снова осень.

Беспросветная хандра
грудь сжимая, сердце гложет.
У погасшего костра,
реже струны я тревожу.

Муза

...Ко мне опять вернулась Муза,
в прозрачном
до бесстыдства платье,
под шепот чувственного блюза
раскрыла мне свои объятия.
Дыханьем жгучим обжигая,
меня накрыла сетью страсти.
Ах, эта грешница святая,
как много в ней
над нами власти!
Изнемогая до рассвета,
сгорая в пламени желаний,
я снова был ее поэтом
нагою правдою признаний.
Вскрывая душу сутью слова,
склонял голову пред ней смиренно,
в ее закованный оковы,
не знал я сладостнее плена...
Но посчитав меня обузой,
сковав уста мои печатью,
ушла, в ночи растаяв, Муза
в прозрачном и бесстыжем платье.
И я один, изнемогая,
опустошенно ждал рассвета.
Какая ночь была!..
Какая!..
Давно ль со мною было это?..
